

В. Е. Лёвкин

МИФ, КИНЕМАТОГРАФ И СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ

Отношение мифа и смысла, мифообразования и смыслообразования так или иначе всегда волновало человечество. Какой смысл в том или ином мифе? Какую роль миф играет в сознании и самосознании человека? Как связан с мифом смысл? Эти и многие другие вопросы, выражающие проблему отношения мифа и смысла, еще

ждут своего решения. Мы попытаемся здесь выразить свой взгляд на проблему.

Начать разговор хочется со слов известного режиссера Н. С. Михалкова¹ об американском кинематографе: «Американский кинематограф — это великий кинематограф; они сумели заставить людей смотреть только свои фильмы. Сила американского кинематографа в том, что он создал миф, которому американцы и следуют...». Это высказывание Н. С. Михалкова наводит на интересную мысль, что *основная функция кинематографа — это мифообразующая функция*. В условиях современности, когда многие сознаниеобразующие функции человечества стали выполняться целыми социальными институтами, мифообразующую функцию взял на себя институт кинематографии. В свою очередь, сам миф, и миф в кинематографе в частности, можно представить как утверждение ценностей, смысл которых еще не раскрыт, не распакован, еще только выявляется посредством образования структуры самого мифа. Но поскольку миф — это именно утверждение ценностей, то можно говорить и об утверждении присущего им, но еще не распакованного смысла. Кинематограф — это утверждение смысла через наделение человека (зрителя) определенной совокупностью отношений, которые закладываются самой структурой мифа и содержат в себе всю нераспакованность смыслов мифа.

Содержание мифа всегда идеально. То же относится и к мифам, творимым кинематографом. Дело в том, что через образы мифотворенной действительности проявляются, высвечиваются, особенно выказываются только определенные отношения, характерные только этому мифу, и которые в реальном мире перекрываются тысячами других, также перекрывающихся между собой. Кинематограф самой структурой творимого мифа показывает эти отношения, но сами по себе они не могут обладать необходимой для усвоения человечеством содержательностью, поэтому отношения (межличностные, межчеловеческие вообще) усиливают, удваивают, утраивают и удесятерят кинематографом рельефность своего собственного содержания и этим способом становятся идеальными.

¹ Телепередача. Программа Николая Сванидзе «Зеркало» // Телеканал «Россия», 19.11.2000 г., 20.00-21.20. (За круглым столом собрались известные политики, музыканты, бизнесмены, художники и т. д. Темой разговора были Россия и Америка).

На каком основании мы можем говорить, что если миф утверждает ценности, то он утверждает и нераспакованные, идеальные смыслы? Ответ на этот вопрос предполагает ответ и на вопрос о взаимосвязи мотива и поведения человека. По нашему мнению, существует определенная причинная связь, объясняющая отношение мотивации и действия и заключающаяся в том, что воспитание (или сознаниеобразующие функции человечества) определяют ценности, которые в свою очередь определяют смыслы, а уже смыслы определяют действия. В цепочке: воспитание-ценности-смыслы-действия может изменяться первое звено на: цель-ценности-смыслы-действия, однако это не меняет того, что ценности в человеческой культуре определяют смыслы. В этом контексте отметим, что представленные причинные цепочки не следует путать с вариантом, который пытается реализовать наука: цель-знания-значения-действия. Так вот миф как часть сознаниеобразующих функций (процесса воспитания) человечества человечеством находится (в цепочке детерминант) перед ценностями и, следовательно, перед смыслами. И если совершенно определенная ценность в контексте конкретной жизненной ситуации реального человека показывает ему смыслы действий, то идеальная ценность, заложенная кинематографическим мифом и мифом вообще, не показывает определенных смыслов и тем более определенных способов поведения, но заставляет человека распаковывать смыслы из этой идеальной ценности, т. е. заставляет человека соотносить весь свой жизненный (ментальный, эмоциональный и поведенческий) опыт с закомуфлированными образной структурой мифа ценностями.

Причинные цепочки, начинающиеся с *воспитания и цели*, представляют собой два принципиально различных способа действовать: общечеловеческий и индивидуальный. Если воспитание навязывается извне, то цель, напротив, ставится отдельным человеком (имеется в виду, что настоящая цель может быть только самостоятельной). В этом смысле человек индивидуальной линии эволюции сам выбирает миф, в котором будет жить, а люди общечеловеческой линии эволюции свой миф не выбирают. Но почему миф? Почему не объективная действительность? Чтобы претендовать на жизнь в объективной действительности, нам необходимо обладать сознанием, идентично и полно отражающим эту самую действительность. Наше же знание весьма ограничено, и даже знания науки (не полные по своей природе) вплетаются человечеством в цен-

ности, а значения, выработанные наукой, встраиваются в структуру человеческих смыслов. Даже цели науки (на конкретный период времени) в большей степени определяются воспитанием, чем логикой развития самой науки (вспомним, к примеру, современные дискуссии по поводу генетических экспериментов с эмбрионом человека, проблему клонирования и т. д.).

На примере кинематографа мы отметили подчиненность смыслов ценностям, а ценностей — мифам. Можно сделать вывод о том, что смыслообразование подчинено мифообразованию. По всему выходит, что миром правит стихия мифа. Стихия, но совмещающая в себе порядок отношений (выражаемых философией как закономерности социо- и культурогенеза) и хаос отношений (сила, диалектически уравнивающая структурность или порядок). Возникает естественный для человеческого сознания вопрос: возможно ли не подчиниться мифу? Существует ли возможность человечеству выйти из-под власти стихии? Исходя из того, что мы не можем обладать (во всяком случае при известных на сегодня данных) объективным, полностью изоморфным Вселенной сознанием, то мы не можем жить вне мифа. Однако, поставив (в рассматриваемой нами причинной цепочке) цель прежде воспитания (или мифообразования), мы получим возможность выйти из-под абсолютной власти стихии: цель-воспитание-ценности-смыслы-действия. Тогда цель будет определять воспитание и ценности, и действия. Иначе говоря, человечеству (если оно желает быть кузнецом своей жизни) необходима глобальная цель, разворачивающаяся в реальные для познания и действия задачи. Обладая такой целью, человечество сможет выработать своего рода «суперстратегию» жизни, а это в свою очередь позволит выбросить из самосознания человечества огромное количество «мусора», как то — нравственность, вина, стыд и т. д. Все это различные формы социального контроля над человеком изнутри самого человека. Все это архаизмы стихии, которой человечество всегда боялось. Боялось, и не было способно поставить вопрос о выходе из-под власти этой стихии. Выработав цель, человечество сможет заменить эти феномены стихийной, внешней (хотя и изнутри человека) детерминации его поведения, чувств и мыслей, на феномены целевой, внутренней детерминации (в условиях осознания конкретным человеком общечеловеческой цели). Можно предположить, что в таких условиях общечеловеческая цель сплотит человечество в действительную эволюционную единицу, а правила человеческого общежития, вы-

полняемые прежде за счет нравственности, морали, вины, стыда, совести и т. д., будут заменены ответственностью и решением, их (правила общежития) будет просто выгодно выполнять. Но для этого нужно реализовать одно небольшое условие. Нужно, чтобы выработанная общечеловеческая цель (в общем, и в разложенном на конкретные задачи виде) была полностью принята всеми людьми, и более того, необходимо, чтобы эта цель использовалась как критерий в выборе определяющих мыслей, чувств и поступков. Исходя из того, что в реальности у людей слишком разные уровни осознания своего места в мире и слишком сильны императивы воспитания, — выработка такой общечеловеческой цели невозможна. Убрав социальные императивы (нравственность и иже с ними) искусственно, а не через осознание цели и, соответственно, ответственность, мы получим не целостное движение к цели, а абсолютную анархию. Таким образом, и получается, что поставить цель перед воспитанием невозможно. Либо цель, либо воспитание. Сохраняется только возможность для конкретного человека — заменить воспитание самостоятельной целью. Отсюда и принципиальная разница между общечеловеческой и индивидуальной линиями эволюции, различающимися, в свете обсуждаемого, тем, создает ли человек миф, в котором живет, или просто оказывается в нем.

Подводя итог нашим рассуждениям, можно утверждать, что в сознании и самосознании человечества миф выражает ценностно-образующую и смыслообразующую функции, смысл детерминирован ценностями, заложенными в образной структуре мифа. Человечество жило и будет жить в мифе, подчиняясь его стихии, но, тем не менее, для отдельных людей есть шанс подчинить миф своей цели, точнее заместить миф смысложизненной целью.